

Отбор проходил в полуоткрытом режиме, исключая возможность подтасовок и взяток.

Это была одна из причин, почему простые люди могли спокойно вкладывать силы и средства в участие.

Когда солнце уже стояло высоко, Гу Шэн вместе с группой участников сидела в просторном трехпролетном павильоне, готовясь к состязанию.

Из тех, кто дошел до финала этого большого состязания, осталось двадцать семь человек, половина из которых были благородными аристократами, а остальные — детьми простолюдинов.

В отличие от прошлой жизни, в этот раз среди участников не было одного знакомого Гу Шэн человека — Гу Жао.

Гу Жао не участвовала в этот раз, потому что в этой жизни они с Гу Шэн обе поступили в Императорскую академию.

Учебные заведения Музыкальной палаты находились в одном месте, и каждый раз, когда они занимались игрой на цитре, Гу Жао неизменно проигрывала, потеряв всякую уверенность в себе. Ее мастерство даже не достигало уровня, который Гу Шэн помнила из прошлой жизни, и она вряд ли могла войти в десятку лучших.

Поэтому отказ Гу Жао от участия в этом состязании был разумным решением.

Гу Шэн настроила струны пипы и огляделась по сторонам.

За пределами веранды шаги прислуги становились все более торопливыми; видно было, что до начала состязания оставалось совсем немного времени.

Собираясь отвести взгляд, Гу Шэн заметила у колонны рядом с выходом девушку в простой длинной рубаше из грубой ткани с круглым воротником. Ей было лет тринадцать-четырнадцать, она была очень худой, с большими, но безжизненными глазами.

Девушка была не безобразна, но ее скромная одежда выглядела слишком бедно. Волосы были аккуратно уложены в два пучка, украшенных лишь одной темно-синей повязкой на лбу.

Такой наряд легко терялся в этой толпе богато одетых мужчин и женщин.

Гу Шэн помнила эту девушку — в прошлой жизни она заняла третье место, уступив Гу Жао.

Ее мастерство игры на цитре было лишь немного ниже, чем у Гу Шэн, и, возможно, именно из-за ее скромного вида она в итоге оказалась позади Гу Жао.

Конечно, Гу Шэн запомнила ее не из-за желания восстановить справедливость, а потому что через несколько дней после окончания того состязания пошли слухи, что эта девушка повесилась в жилище, предоставленном Министерством ритуалов.

Гу Шэн сначала подумала, что девушка не смогла вынести несправедливости и, будучи недовольной своим местом, легкомысленно покончила с собой, что вызвало у нее презрение. Однако вскоре стало известно, что история происхождения этой девушки получила широкую огласку.

Гу Шэн узнала, что девушка была старшей дочерью семьи Е из Янчжоу. Их семья была когда-

то зажиточной, у них была лавка в оживленном месте, унаследованная от предков, но из-за азартных игр отца и брата лавку пришлось отдать за долги. Семья могла лишь сводить концы с концами на скудном доходе от преподавания девушкой игры на цитре.

Вскоре отец и брат семьи Е снова набрали огромный долг — более сотни лянов серебра. Не имея денег для выплаты, они собирались продать девушку в качестве «тощей лошади» в Янчжоу.

Девушка хотела сбежать, но отец и брат связали ее на кухне. К счастью, старая мать, пожалев дочь, ночью отпустила ее и отдала последние пять лянов серебра, которые были в доме, на дорогу.

Девушка хотела забрать мать с собой, но та не могла бросить сына и мужа. Тогда девушка со слезами пообещала, что вернется со ста лянами, чтобы помочь семье пережить трудные времена.

Но судьба сыграла с ней злую шутку — она заняла лишь третье место и получила только пятьдесят лянов награды. Не в силах смириться с тем, что подвела мать, в итоге она повесилась в жилище Министерства ритуалов перед самым отъездом, оставив предсмертную записку и те пятьдесят лянов, прося Императорский двор добавить недостающие сто и отправить деньги в ее семью.

В конце концов, желание семьи Е исполнилось.

Чиновники, причастные к делу, опасаясь скандала, отправили компенсацию ее семье срочным курьером.

Что вызывало горькую усмешку, так это то, что к тому времени семья Е уже нельзя было спасти сотней лянов — долги отца и брата уже удвоились.

Гу Шэн погрузилась в воспоминания, как вдруг заметила, что та девушка словно почувствовала ее взгляд и повернула голову. Худое лицо делало ее большие безжизненные глаза еще более заметными, но взгляд был спокоен, а выражение лица — мягким и благородным.

Заметив, что Гу Шэн смотрит на нее, девушка не проявила ни малейшей настороженности или враждебности, а лишь улыбнулась, открыто и дружелюбно посмотрев в ответ.

Это была редкая уверенность и жизнерадостность, встречающаяся у людей, переживших много страданий.

Гу Шэн слегка нахмурилась, но все же улыбнулась и кивнула в ответ, хотя в душе размышляла: раз в этом состязании не участвует Гу Жао, эта девушка непременно займет второе место и получит сто лянов награды, что поможет решить ее насущные проблемы.

Но девушка не знала, что долги ее семьи к этому времени уже удвоились, и, вернувшись, она, скорее всего, потеряет и деньги, и себя, не избежав участи быть проданной отцом и братом.

Для девушки это могло бы стать исходом хуже смерти, и, возможно, ей было бы лучше, если бы все закончилось, как в прошлой жизни.

Гу Шэн опустила глаза, избегая взгляда девушки, и невольно вздохнула.

Хотя судьба этой девушки была печальной, сама Гу Шэн сейчас также находилась в опасном

положении и с трудом могла защитить себя, поэтому у нее действительно не было сил вмешиваться в чужие дела. Ей пришлось перестать об этом думать.

После полудня вокруг сцены внизу уже сидели полным ходом зрители, главные судьи заняли свои места, и слуга вошел в павильон, приглашая всех участников выйти и занять места ожидания.

В углах зала на втором этаже курились благовония, наполняя широкое помещение легким ароматом османтуса.

Гу Шэн, держа пипу, мелкими шагами последовала за толпой, проходя мимо частных комнат, не забывая краем глаза взглянуть за жемчужные занавески.

Гу Шэн не знала, в какой именно комнате ждала Цзян Хань, и хотя полагала, что та не пропустит это событие, в сердце все равно оставалось легкое беспокойство.

Наконец, проходя мимо одной из роскошных комнат, выходящих на север, она увидела знакомую фигуру.

Это была она.

Только тогда Гу Шэн позволила себе опустить голову и едва заметно улыбнуться, спокойно следуя за толпой вниз.

Состязание началось гладко.

Девушка из семьи Е выступила перед Гу Шэн. Она также выбрала пипу, так как в последние годы при дворе самыми популярными были два инструмента — пипа и цинсе, и восемьдесят процентов участников выбрали именно их.

Когда девушка вышла на сцену, она вела себя так же спокойно и опытно, как Гу Шэн помнила по прошлой жизни. Она подождала, пока вокруг воцарилась тишина, объявила название произведения, настроилась и, нежно коснувшись струн белыми пальцами, заставила всех присутствующих затаить дыхание.

Когда произведение закончилось, вокруг немедленно раздались восторженные возгласы.

Гу Шэн посмотрела вверх, в ту сторону, где находилась комната Цзян Хань, но, к сожалению, жемчужные занавески свисали вниз, скрывая выражение лица того, кто был внутри.

Через три четверти часа наконец подошла очередь Гу Шэн.

Гу Шэн постоянно регулировала дыхание. Она волновалась не из-за своего мастерства, а боялась, что реакция Цзян Хань не будет такой же потрясающей, как в прошлой жизни.

Ведь тогда это была их первая встреча, а сейчас, хотя они и не были близки, уже знали друг друга. Неужели у Цзян Хань уже сложилось неизменное впечатление о ней?

Гу Шэн не смела об этом думать, она очистила разум и, держа пипу, грациозно вышла на сцену.

Смотревшие состязание высшие аристократы словно почували самое вкусное лакомство: еще до того, как Гу Шэн села, во всем зале воцарилась абсолютная тишина.

Гу Шэн это не удивило. Хотя ее тело еще не полностью сформировалось, особая аура благородных аристократов высокого ранга уже сквозь нее просвечивала, и с возрастом этот аромат будет лишь сильнее сводить с ума взрослых высших аристократов.

Из-за этого Цзян Хань в прошлой жизни даже заказала для нее закрытый паланкин, чтобы она могла выходить на прогулки, не привлекая назойливого внимания высших аристократов, потерявших контроль.

Перед выходом Гу Шэн немного волновалась, но, заняв свое место на сцене, она приняла безмятежный вид, словно во всей вселенной осталась только она одна.

Когда Гу Шэн приняла позу и пальцы зависли над струнами, в зале стало так тихо, что не было слышно даже дыхания.

Ее пальцы коснулись струн, и чистый, глубокий звук поплыл в воздухе, словно белый лотос, раскрывающий свои белые лепестки на черной поверхности озера, мгновенно озаряя всю ночь.

Легкое перебирание, медленное прижимание, скользящее прикосновение — каждый звук переходил в другое измерение.

Кажется, прошли целые эпохи, или же это был лишь миг — когда очнувшиеся зрители пришли в себя, мелодия уже закончилась.

Только когда Гу Шэн встала и поклонилась, люди вокруг словно вернулись с небес на землю.

В одно мгновение гром аплодисментов и шумные похвалы готовы были сорвать крышу.

Гу Шэн сохраняла спокойное выражение лица, но не смогла удержаться и снова посмотрела на ту комнату на севере, где сидела Цзян Хань.

Но неожиданно знакомая фигура внутри уже вышла из-за занавесок и стояла прямо у перил, глядя вниз на то место, где находилась Гу Шэн.

Гу Шэн невольно вздрогнула, слегка опустила голову, но уголки губ предательски поднялись.

В прошлой жизни она в этот момент еще не знала Цзян Хань и, конечно, не видела ее реакции после прослушивания.

Однако сейчас она все видела!

Взгляд того человека наверху словно хотел расплавить ее, а рука, сжимающая перила, была настолько напряжена, что почти оставила следы на красном дереве, не в силах сдержать волнение.

Походу, реакция Цзян Хань точно не проиграла тому потрясению от прошлой жизни.

<http://bllate.org/book/16655/1526490>